

Вячеслав Алексеевич НИКОНОВ,
внук В.М. Молотова,
президент Фонда «Политика»,
«Центра парламентских
программ» и «Клуба-93»

Родился 5 июня 1956 г. в г.Москве; окончил исторический факультет МГУ, доктор исторических наук; работал на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, в аппарате ЦК КПСС; с 1990 г. – в аппарате Президента СССР; 1991–1992 гг. – помощник Председателя КГБ СССР; 1992–1993 гг. – советник Департамента политических и межнациональных проблем Международного фонда экономических и социальных реформ (фонд «Реформа»); в 1993 г. был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва, был членом фракции «ПРЕС», председателем подкомитета по контролю над вооружениями и международной безопасности Комитета по международным делам; автор более 300 публикаций, в том числе нескольких книг, владеет английским и французским языками; женат, имеет троих детей.

Вячеслав НИКОНОВ: «Я УВЕРЕН, ЧТО РОССИЯ БУДЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СТРАНОЙ»

– Вячеслав Алексеевич, прежде всего, позвольте акцентировать Ваше внимание на проблеме гражданского общества в России. Как Вы полагаете, в сложившихся сегодня в нашей стране политических, экономических и социальных условиях каковы причины очевидной слабости гражданского общества в России?

– В первую очередь, исторические. Гражданское общество в России начало складываться лет на шестьсот позже, чем в странах Запада. Реально о зачатках гражданского общества можно говорить только применительно ко времени после реформ Александ-

дра II, после отмены крепостного права, появления земств. Да и тогда, с 60-х годов XIX века, оно просуществовало не так долго – лишь до гражданской войны. А нынешний этап развития начался только десять лет назад. Естественно, что развиться за десять лет гражданское общество, к тому же не имеющее исторических корней, просто не могло.

В государстве тоталитарном, которое поглощает собой все, гражданское общество просто не может развиваться. Что такое гражданское общество? Это все то, что не государство. Если государство всеобъемлюще, то нет пространства для гражданского общества.

– Вячеслав Алексеевич, Вы согласны с утверждением Глеба Павловского о том, что уже к 1991 году существовало мощное и разветвленное гражданское общество, но ельцинским режимом все это было погублено?

– Признаюсь, подобного мнения я от Павловского не слышал. И с таким мнением я не согласен. Я исхожу из того определения, которое принято в мировой политической науке, а именно – гражданское общество – то, что не государство. С этой точки зрения до Горбачева никакого гражданского общества у нас не было, и по большому счету только при Ельцине оно начало появляться.

– Как Вы считаете, может ли быть заинтересовано государство в существовании гражданского общества, и заинтересована ли реально нынешняя российская власть в его построении, имея в виду то, что, по-видимому, любая власть – это антипод общества?

– Если государство не мешает развитию гражданского общества, то оно само развивается, заинтересована ли в этом власть или нет. Ключевой вопрос – намерено ли государство быть всеобъемлющим или нет. Если мы опять идем к авторитарному режиму, к восточной деспотии, к тоталитаризму, к фашизму, тогда шансов для гражданского общества немного. Однако сейчас я такого желания не вижу, нынешнее руководство является одним из наиболее либеральных, особенно в экономической сфере. Экономический плюрализм очевидно допускается и государством не собирается национализировать все. Большая часть валового национального продукта производится не в государственном секторе, а значит, и гражданское общество в экономике существует. А бизнес, если он не государственный – это тоже часть гражданского общества.

– А разве можно разделять существование гражданского общества в плоскости экономической и политической?

– Гражданское общество существует во всех сферах – в экономической, в политической и так далее. Безусловно, что в его основе лежит экономическая свобода. Если есть независимые экономические субъекты, значит, будут независимые, отдельные от государства и политические интересы и общественные интересы, и это будет всегда создавать базу для гражданского общества. Если же экономика принадлежит государству на сто процентов, то есть каждый человек занят на государственном предприятии – он уже не может быть представителем гражданского общества.

Экономика – главное. Любая власть в демократическом государстве, любое демократическое правительство должно быть заинтересовано в том, чтобы существовала конкуренция, а значит, гражданское общество. Государство тоже должно быть конкурентным и иметь конкурентов. Понятно, что естественная человеческая реакция – не плоди себе конкурентов. Однако насколько я понимаю посыл нынешней власти – гражданское общество нужно.

– 12 июня Президент РФ В.В. Путин встретился с представителями неполитических, некоммерческих общественных организаций. В настоящее время идет подготовка к Гражданскому форуму, который должен состояться в 20-х числах ноября этого года. Как Вы относитесь к проведению подобного Гражданского форума?

– Смысл проведения подобного форума заключается в следующем: во-первых, Кремль показывает заинтересованность в том, чтобы гражданское общество в России становилось, плодилось и размножалось; во-вторых, это позитивный сигнал местным начальникам, чиновникам, которые не любят активность разного рода негосударственных организаций. А, кроме того, подобный форум поможет установить какие-то горизонтальные контакты, обеспечить обмен опытом, создать структуры, которые бы объяснили становящимся общественным, благотворительным организациям, как им, собственно, жить. Помогли бы, например, юридически, подтянули какие-то гранты. Идея в принципе не вредная. Но для меня совершенно очевидно, что никакие форумы гражданского общества не создают, это один из многих необходимых шагов, которые имеют своей целью создание гражданского общества. Государство же создает гражданское общество, прежде всего, тем, что не мешает. А уж если существуют какие-то льготы, например, для благотворительных

организаций, то в этом случае можно сказать, что государство помогает становлению гражданского общества.

– А все-таки может ли здесь иметь место некий иллюстративный подход со стороны государства: кого-то приглашают, кого-то нет, кому-то предоставляют льготы, а кому-то не предоставляют?

– Вы знаете, всегда и во всем есть выборочность. Невозможна ситуация невыборочности. Равенство всех – это идеальная ситуация, которых не бывает. По какому принципу будут выбирать организации на форум, я не знаю (меня туда никто не приглашал, и я не испытываю по этому поводу каких-то неудобств и не считаю, что мне из-за этого нужно сильно переживать; если меня пригласят, я поблагодарю за это). Безусловно, какими-то критериями организаторы будут руководствоваться, однако, какими – я не знаю. Что же касается предоставления льгот и тому подобного. В принципе, все вопросы, связанные с деятельностью общественного сектора должны регулироваться законом, а закон, естественно, имеет равное действие для всех. Предоставление льгот каким-либо отдельным компаниям отдельным правительственным решением – это 90-е годы, от чего сейчас решительно отказываются. Должны быть общие правила игры. Если такие правила обеспечиваются для всех, значит, государство свою функцию выполняет, если же государственные органы допускают, что кто-то может быть на особом счету, то это, конечно, противоречит принципам демократического государства и мешает созданию нормального гражданского общества. Совершенно очевидно, что будут организации гражданского общества более влиятельные, будут менее влиятельные, равенства быть не может. Одни общественные и некоммерческие организации большие, другие – маленькие. Одни реально действующие – другие фиктивные, созданные для решения собственных проблем или в надежде получить какие-то бюджетные деньги под свои зачастую мифические программы. С одними президент будет встречаться, с другими не будет.

Например, в Соединенных Штатах действуют тысячи предпринимательских организаций, но президент будет встречаться с представителями Торговой палаты и с Национальной ассоциацией предпринимателей, а с более мелкими, может быть, и нет. То есть это очевидно, что есть маленькие и большие организации, влиятельные и невлиятельные, кто-то больше с левыми, кто-то больше с правыми. Повторю еще раз, равенства в жизни не бывает.

На международной конференции

– Вопрос банальный, но тем не менее он не перестает быть актуальным. Как Вы оцениваете ситуацию, связанную со СМИ (особенно электронными) в России, являются ли действия властей (как центральных, так и региональных) в отношении СМИ сознательной политикой ограничения свободы слова?

– Что касается средств массовой информации, то это отдельный большой вопрос. Если вкратце то, что такое свобода слова? Свобода от чего? Конечно, прежде всего свобода от государства. Но при этом нельзя считать, что любое проявление государственного участия в СМИ является покушением на свободу слова. Такой ситуации, когда есть какая-то пресса, действующая в безвоздушном пространстве, и отдельно государство, непонятно где существующее, и которые друг с другом никак не соприкасаются, не может быть. Такого в мире никогда не было. Во-первых, всегда будет какое-то законодательное регулирование, во-вторых, всегда будут какие-то государственные интересы. Посмотрите, что сейчас происходит в связи с международным кризисом. Американские средства массовой информации оказались под жесточайшей цензурой с первой секунды ударов по Нью-Йорку и Вашингтону. Под цензурой в чем-то жесткой, обычной для военного времени. А в Италии, например, сложилась вообще уникальная ситуация. У них раньше все телевидение было либо государственное, либо принадлежало Сильвио Берлускони. Когда Берлускони стал премьер-министром, то оказалось, что у них уже все электронные СМИ принадлежат исключительно государству и совершенно не осталось негосударственных – хотя казалось бы ситуация с точки зрения теории свободы слова совершенно невозможная. Но в любом случае, когда встает вопрос о том, что предпочесть: большее государственное влияние или меньшее государственное влияние в СМИ, естественно, представитель гражданского общества, человек, болеющий за гражданское общество, скажет, что, конечно, меньшее. Но при этом взаимоотношения общества и государства, бизнеса и государства, центральных и местных властей – это всегда маятник, это процесс, который движется сначала в одну сторону, потом в другую. С точки зрения свободы слова, ситуация, сложившаяся в 90-е годы, была беспрецедентна. Мы имели беспрецедентную свободу, ничего подобного нигде и никогда в мире не было, то, что можно было писать в наших газетах, нельзя было писать нигде и никогда. Такие вещи, например, как политическая корректность, нормы

приличия просто отсутствовали. Естественно, что маятник в последнее время пошел в другом направлении, и где он остановится мы можем только предполагать. Я бы так сказал: если в 90-е годы у нас было гораздо больше свободы слова, чем на Западе, то сейчас стало чуть больше.

– Вячеслав Алексеевич, Вы уже упомянули международный кризис, возникший вследствие событий, произошедших 11 сентября в США и в связи с этим такой вопрос: как Вы считаете, эти террористические акты могут каким-либо образом сказаться на отношении американского народа и его «элиты» к традиционным

Что касается средств массовой информации, конечно, в условиях военных действий всегда действуют законы военного времени, и большинство СМИ подвергается цензуре. Изменится ли отношение к демократии в целом? Вряд ли. Понятно, что американцы не перестанут проводить выборы, что люди не перестанут высказывать свои мнения, все права и свободы сохранятся, однако, общий вектор, конечно, будет от открытого общества. Можно вспомнить, например, вторую мировую войну, когда были введены определенные ограничения, но при этом демократия сохранялась, и выборы проводились.

национальным ценностям «открытого общества», на которых, собственно, стоит не только Америка, но и весь западный мир? Не возникнет ли соблазна во имя безопасности несколько ограничить свободу и разрешить «воюющему» государству и его спецслужбам гораздо больший контроль над частной жизнью людей, СМИ, движением капиталов, в сущности, над всем, что движется и обеспечивает необходимую для нормального развития динамику?

– Нельзя сказать, что в Америке сейчас полностью открытое общество, этого никогда не было ни до терактов, ни тем более не будет и после. Ясно, что вектор будет направлен в сторону от гражданских свобод, то есть маятник сейчас пойдет в другую сторону. Необходимость борьбы с терроризмом и вероятность проявлений исламского экстремизма спровоцируют более жесткий контроль за каждым человеком, то есть, например, могут быть созданы всеобъемлющие базы данных, куда будут внесены все граждане страны с информацией об отпечатках пальцев, радужной оболочке глаза, структуре ДНК и так далее. Очевидно будут облегчены процедуры прослушивания телефонных разговоров, просмотра электронных посланий.

– Вячеслав Алексеевич, если вернуться к российским проблемам, как Вы полагаете, насколько важен вопрос возникновения в России территорий, где существуют наиболее очевидные проблемы развития институтов гражданского общества (например, Калмыкия, Башкирия, и вообще большинство республик Северного Кавказа)?

– Безусловно, это опасно. Россия же не в Москве находится, Россия – это все регионы. Асимметрия в темпах создания гражданского общества очень большая. Одно дело Москва, Санкт-Петербург и совершенно другое дело то, что происходит в других регионах. Конечно, нужно учитывать российскую региональную специфику и здесь как раз очень полезна инициатива проведения того самого Гражданского форума, о котором мы уже говорили. Еще Пушкин отмечал, что в России единственный европеец – это центральное правительство. И во многом есть надежда на то, что наша страна будет развиваться по демократическому пути именно на центральною власть, хотя оттуда сейчас исходят самые разнонаправленные импульсы. Но выбранный центральной властью путь (понимание того, что надо создавать гражданское общество, что надо

В. Никонов отвечает на вопросы прессы

выделять представителей на форум) – заставит (пока, я уверен, в несколько карикатурном порядке) руководителей субъектов Федерации создать хотя бы видимость его существования.

– Скажите, а каков, по-Вашему, прогноз, какие структуры гражданского общества в нашей стране могли бы развиваться быстрее и в наибольшей степени и с чем это может быть связано?

– Пока быстрее всего у нас развиваются экономические субъекты гражданского общества. Что же касается политических субъектов, то здесь дело обстоит хуже, поскольку у нас пока политика департизирована, а значит – роль главных политических субъектов гражданского общества, главных связующих звеньев между гражданским обществом и государством принижена. Пока эта ситуация будет сохраняться и роль партий будет, соответственно, также принижена, нельзя рассчитывать на развитие серьезных политических структур. Мы единственная демократическая страна в мире, где глава государства беспартийный. С помощью партий можно бороться за места в Думе, но это не тот главный приз, который заставляет создавать крупные политические организации.

Если в целом, то я предвижу ускоренное развитие гражданского общества в сфере правозащитной, благотворительной, интеллектуальной, исследовательской.

– Разделяете ли Вы мнение о том, что осознание гражданами России своих социально-экономических прав (например, право на оплачиваемый отдых, право на труд и т.д.), то есть то, что осталось в сознании людей со времен СССР, достаточно для функционирования современного гражданского общества, имея в виду, что мера осознания своих политических прав далеко отстает от осознания обязанностей?

– Концепция социально-экономических прав способствует не созданию гражданского общества, а поддержанию левых политических настроений в стране. Для гражданского общества это фактор скорее негативный, чем позитивный, потому что требования этих социально-экономических прав (которые, кстати, отсутствуют в конституциях многих западных государств и в традиционной концепции демократии), порождают патерналистское сознание, сознание зависимости от государства, от его социальных выплат, гарантий. Патерналистское сознание – враг гражданского общества. Гражданское общество всегда сильнее, когда человек осознает свои силы, свои возможности обеспечить достойную жизнь самостоятельно и не ждет от государства, например, бесплатную квартиру, бесплатное обучение и тому подобное.

– Вячеслав Алексеевич, каковы Ваши прогнозы относительно развития гражданского общества на долгосрочную перспективу?

– На самом деле вопрос в том, будет ли Россия демократической страной?

– Можно, конечно, это и так сформулировать.

– Я уверен, что Россия будет демократической страной. И, кстати, события

последних дней, которые, на мой взгляд, являются серьезным водоразделом в истории человечества, скорее укрепляют мою уверенность в демократическом будущем России. Путин однозначно заявил о солидарности с привилегированными странами в борьбе с международным терроризмом, который поддерживается, очевидно, тоталитарными государствами. Общие усилия России и Запада, направленные на борьбу с терроризмом, общая антитеррористическая кампания предполагают наличие неких общих ценностей. И даже если на Западе будут закручивать определенные гайки, у меня нет никаких сомнений, что базовые ценности никуда не денутся, и демократическая модель будет сохраняться. И Россия, оставаясь в этом клубе, будет развиваться в демократическом русле.

– А как Вы считаете, Владимир Путин искренне разделяет ценности демократического общества, с которыми сейчас объединяется в борьбе против терроризма?

– Я не могу, конечно, проникнуть в подсознание Путина, но из того, что я вижу, слышу, анализирую, могу сказать, что, да, он считает западные ценности достаточно важными и весьма полезными. Не знаю, является ли это основой его мировоззрения, но на уровне политическом, на уровне прагматическом это, безусловно, так. Он прекрасно понимает, что та модель, которая существовала до 1991 года, не может работать. Он искренне хочет сделать Россию современным государством. Он понимает, что совершенно бессмысленно возвращение к плановой экономике как к неэффективной в современном мире. С этой точки зрения возвращение к тоталитарной модели политического устройства также бессмысленно, хотя бы потому, что в условиях плановой неэффективной экономики (а иной эта модель не предполагает) тоталитаризм не обеспечит развитие и загонит нас на глухую обочину цивилизации. Все взаимосвязано.

Леонид ВОЛЧАНИНОВ

На отдыхе